

А. А. Тарасенко

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ УГОЛОВНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Рассматривая социокультурный аспект правоприменения, в частности уголовного, необходимо обращать внимание на «социокультурную среду», в рамках которой осуществляется уголовное судопроизводство, несмотря на то, что несмотря на то, что основополагающим принципом единства судебной системы в Российской Федерации является признание обязательности правоприменения на всей территории. Нами уже отмечалось, что «специализацию субъекта Российской Федерации обуславливает ресурсно-сырьевой фактор, определяющий» специфику правоприменительной практики. Актуальным является вопрос о способности «среды» [9] разделить предлагаемые ей правила игры. Региональные особенности (уровень образования, занятость, реализация социальных гарантий местными органами власти и управления, уровень преступности и т.д.) влияют на сознание и на повседневную жизнедеятельность и самосознание.

Происходящие социальные трансформации в Российской Федерации имеют ярко выраженные негативные характеристики [6]. В первую очередь обращают на себя внимание происходящие в мире миграционные процессы. Они оказывают как позитивное, так и негативное влияние на демографическую, инфраструктурную социокультурную и иные составляющие социальной жизни современных государств. Рассмотрение субъективности неизбежно приводит к фиксации интуиции чувственно воспринимаемого субъекта социальной деятельности, которая характеризует непосредственную «включенность его в мирохозяйственные и иные (политические, конфессиональные, научные и др.) социокультурные связи» [7, 18]. В то же время, по мнению Аль-Джанаби М.М. «достижение человека или культуры имеет относительную ценность в силу того, что оно отражает опыт конкретного знания и действия» [1].

В зависимости от субъекта Российской Федерации мы наблюдаем ситуацию, при которой, например, в Кемеровской области в 2016 году выделяется «значительное количество обращений граждан, затрагивают сферу уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, вопросы обеспечения гарантий прав граждан» [2, 6]. В других регионах (Свердловская, Санкт Петербург и т.д.) акцент смещается в иные сферы. В то же время, многие уполномоченные по правам человека в различных субъектах Российской Федерации обращают внимание на тот факт, что, несмотря на возможность прекращения дела по примирению сторон не только на судебной стадии, но и на стадии расследования (Ст. 25 УПК РФ) данная мера фактически не применяется. Это происходит по причине того, что на "местах эффективность работы следователей оценивается по количеству дел, переданных в суд, так что прекращать дело в известном смысле «не выгодно» [8, 89].

Данный аспект характеризует низкий уровень уголовного правоприменения тогда как «для обеспечения соблюдения законов о наказании в области уголовного права юрисдикции по всему миру преследуют пять целей: расплата, перевоспитание, восстановление в правах, ограничение право и/или дееспособности, удерживание от совершения действий устрашением и наказание» [10]. Для российского правоприменения, именно психологические методы воздействия «оказываются стратегией, направленной на поддержание видимого присутствия правоохранительных органов, и способами сохранения самосознания» [11] в рамках манипулирования «должным» поведением граждан.

Социальный аспект правоприменения необходимо связывать с активной реакцией на востребованность каких-то изменений привычного стиля общения или как стремление к достижению согласия с чем-то новым, неизвестным и, на первый взгляд, порой отталкивающим. Позиция, «трудно, но можно терпеть» никак не должна отождествляться просто с традиционным русским «безответным» терпением: в значительной мере она связана с ожиданием «ответа», то есть определенного результата эффекта, личного или социального. Русское терпение далеко не всегда было «безответным», скорее речь может идти о некоем «пунктире» безответственности, прерываемом взрывами недовольства и актами отчаяния.

Культура как способ общественной жизни выступает определенной системой объектов и субъектов. В этой системе все объективно, правоприменение опирается на правовую нормативность, поскольку события и явления культурного бытия реальны. В то же время, культура пронизана субъективностью, так как вся культурная деятельность есть пространство субъектных проявлений. При этом каждый субъект имеет определенный опыт правоприменения. Иными словами можно констатировать, что, с точки зрения антропологического опыта «усиление и сохранение институциональной среды (правоприменения) зависит от предшествующего развития, в том числе неформальной нормы поведения» [3, 65], которые являются производными от социокультурных ценностей. Стоит также отметить, что в российском массовом сознании веками была разорвана прямая связь между трудом, распределением и потреблением. Скажем, уравнивательность в распределении благ превратилась в одну из ценностных доминант в народном сознании, активно противостоя индивидуальным усилиям по укреплению частной собственности – обогащению, отнюдь не стимулируя распределение по труду. «От трудов праведных не наживешь палат каменных» – говорят на Руси. Примечательно, что например, добро и справедливость, высоко стоящие в русской ценностной шкале, традиционно не связываются с законом и правом, а порой противопоставляются им. «Суди по совести, а не по закону» – этим выражается отношение россиян к праву.

Актуализируется проблема качества жизни как показатель повседневности бытия. «Качество жизни» должно включать и социокультурный аспект, присутствовать в нем как в неотъемлемым условием существования индивида и общества. При этом принцип комфортности качества жизни характеризует динамику правоприменения в аспекте защищенности человека в рамках социокультурной среды конкретного общества. Развитие человека, рост его

духовных, моральных, нравственных и эстетических показателей – являются важнейшими элементами социокультурной мобильности и социализации личности. Структурной единицей комфортности являются экзистенциальные потребности А. Маслоу, такие как безопасность существования, комфорт, постоянство условий жизни [5]. Несомненным является и то, что вопрос об институциональном формировании правовой культуры должен иметь вполне определенные цели и задачи [4]. Являясь основными направлениями социальной политики повышение качества жизни человека, как на федеральном, так и на региональном уровнях, государству целесообразно создавать условия для развития среднего класса. Уровню среднего класса должна соответствовать нормативно установленный стандарт жизнеобеспечения, который, в свою очередь, позволит сформировать эффективность качества жизни российских граждан, в конечном счете, способствующий повышению уровня правосознания и правоприменения.

Раскрыванию данной ситуации, особенно в России, способствует воздействие информационных технологий. Человек, как правило, не может отличить – где слух, где версия, где мнение, где факт и прочее. И тут особенно полезными были бы диалог, даже в рамках навязанного консенсуса (повышение интеграции и, одновременно, снижение дифференциации), и анализ энтимем – этого очень старого искусства навязывания пищи для бездумного проглатывания, когда подразумеваемое вводится как якобы уже известное. При этом, возникает опасность привыкания сознания к заниженно-усыпляющему режиму, при котором, например, встреча со смертью (демонстрация фактов реализации террористических угроз дестабилизирующими социальную среду субъектами и т.д.) вызывает панику. Все это приводит к дезинтеграции всего общества, его социокультурной среды и актуализирует проблему воспроизводства правоприменения.

В этом случае, необходимо вспомнить, что обеспечение личной свободы, в рамках либеральных ценностей, адресуется лишь тем, кто может пользоваться ею разумно и безопасно для других. Независимо от того, гражданская или этническая модель государственности в России, ей всегда была присуща и/или она была вынуждена демонстрировать, некую долю терпимости и к инонациональной части своего населения. Защищая граждан от необоснованного вмешательства со стороны государства, либерализм опирается на сравнительно однородное в культурном отношении сообщество, способное разделить предлагаемые им правила игры.

Наличие у человека самоопределенности и открытости к восприимчивости чужих мировоззренческих конструкций на основе его стремления к достижению «золотой середины» при уравновешенности социальных процессов и осмысленной реализации своих ценностей способствует раскрытию человеческого потенциала (отстаивание своих гражданских прав и свобод в рамках борьбы за собственное достоинство, через акт «сопротивления» «Другому», в том числе – органам власти и принуждения). Данная устремленность должна базироваться на активной жизненной позиции человека, где его ответственность за свои действия и поступки сочетается с кантоновским категорическим императивом «долга».

Список литературы

1. Аль-Джанаби М. М. Мусульманская цивилизация: империя культуры. – <http://iph.ras.ru/seminar.htm>
2. Волков Н.А. О соблюдении прав и свобод человека и гражданина на территории Кемеровской области в 2016 году. Доклад уполномоченного по правам человека в Кемеровской области / Н. А. Волков. – Кемерово: Примула, 2017. – 128 с.
3. Золотухин В. М. Экономическая антропология Этюды социальной (культурной) антропологии. / А.А. Овчаров, В.М. Золотухин, Е.Ф. Казаков, С.Н. Чирун, К.В. Востриков. – Кемерово: ГУ КузГТУ, 2007. – 148 с.
4. См.: Золотухин В. М. Правовая культура и образование. / В. М. Золотухин, С. В Сулова // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – Вып.2 (46). – С. 178–182.
5. См.: Золотухин В. М. Влияние качества жизни и потребностей на формирование среднего класса. / В. М. Золотухин, М. В. Козырева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – Вып. 1(57). – С. 183–187.
6. Золотухин В. М. Толерантность и проблема неопределенности в реформировании современной России. / В. М. Золотухин, Т. И. Грицкевич // Вестник Кузбасского государственного технического университета. – 2005. – № 5. – С. 114–120.
7. Золотухин В. М. Социально-философский и социокультурные аспекты российской ментальности. / В. М. Золотухин, А. В. Родионов // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – № 29. – Ч. 1. – С. 17–24.
8. Мерзлякова Т. Г. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам человека в Свердловской области : 2016 год / Т. Г. Мерзлякова. – Екатеринбург: АМБ, 2017. – 176 с.
9. Vladimir Zolotukhin, Evgenia Stepantsova, Marina Kozyreva, Anastasia Tarasenko and Alexandr Stepantsov The problems of correlation the life quality and interpersonal dialogue in legal practice of mining regions 040114 – DOI: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/20171504014>.
10. Objectives Of Criminal Law. Posted by James on February 5, 2015 – <http://www.lukepowell.com>.
11. Three Theories of Criminal Behavior _ Owlcation.html - file:///C:/DOCUMENTE~1/ZVM~1.SPO/LOCALS~1/Temp/Three%20Theories%20of%20Criminal%20Behavior%20_%20Owlcation.html